

★ НА ЛИНИИ ОГНЯ ★

ПРАВДА ТАНКОВОГО = АСА =

«БРОНЕБОЙНЫМ, ОГОНЬ!»

ВАСИЛИЙ БРЮХОВ

Василий Брюхов

**Правда танкового аса.
«Бронебойным, огонь!»**

«Яуза»

2015

УДК 327
ББК 66.4

Брюхов В. П.

Правда танкового аса. «Бронебойным, огонь!» / В. П. Брюхов —
«Яуза», 2015

ISBN 978-5-00155-249-9

«Над полем стелились клубы дыма. Неожиданно я увидел, как из такого же оврага, находившегося примерно в 200 метрах от меня, выползает немецкий средний танк Т-III. Сначала я даже растерялся — никак не ожидал увидеть противника так близко. Но я быстро пришел в себя, дал ему выбраться на открытое место и уничтожил первым же снарядом. Не прошло и нескольких минут, как откуда-то прилетел снаряд и, попав в борт, вырвал нам ленивец и первый каток...» Автор этой книги принял боевое крещение в 1941 году под Москвой, будучи добровольцем лыжного батальона, однако его командирский талант в полной мере раскрылся в танковых войсках — за два года Василий Брюхов прошел путь от командира танкового взвода до комбата и от Курска до Румынии, Венгрии и Австрии, сменив девять подбитых «тридцатьчетверок» и уничтожив 28 вражеских танков. Обо всем увиденном и пережитом, о победах и потерях, о том, как становятся танковыми асами и каково это — жечь немецкие «Пантеры» и «Тигры» и самому гореть в подбитом Т-34, он предельно откровенно рассказал в своей книге. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-00155-249-9

© Брюхов В. П., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Детство	8
Война	23
Танкист	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Василий Брюхов Правда танкового аса. «Бронебойным, огонь!»

© ООО «Яуза-каталог», 2021

Детство

Я родился 9 января 1924 года в г. Оса Пермской области, на Советской улице. Дом, в котором потом прошло мое детство, так там и стоит. Помню, как сестра ведет меня за руку по колее, наезженной телегами. Мы поднимаемся по ступенькам в дом, а там плотники еще не закончили отделывать последнюю комнату. Стружки здоровые лежат, – я их гонял, а они так тихо шуршали...

Отец рассчитывал, что семья будет большая, и дом строил соответствующий – хоть одноэтажный, но просторный, с глубоким подвалом для хранения солений и картошки. Дом был разделен на большую гостиную, в которой стояли стол и стулья, маленькую комнатку, где спал отец, прихожую и кухню. На кухне была кухонная печь с площадкой, где спали маленькие дети, и полатыми. Там мы все спали и веселились, и самое главное – ни мать, ни отец нас ни в чем не останавливали, не ругали, что мы шумим.

В то время это была окраина – наш дом стоял вторым от края, а дальше, за жердевым забором, начинались поля и дорога на деревню Мазунино. В городе жило тогда примерно 28 000 человек. Это сейчас Оса районный город, а раньше это был провинциальный уездный купеческий городок. Расположился он в междуречье Тулвы и красавицы Камы. Сам город, стоявший на абсолютно ровном месте, прорезала река Осинка. Речушка была неглубокая, но с омутами. Здесь мы учились плавать, привыкали к самостоятельности, а чуть повзрослев, шли на Каму и Тулву. На Каме был прекрасный, обширный песчаный пляж с чистым и крупным речным песком. К реке примыкали просторные пойменные луга, поросшие пышной травой, буйным кустарником и отдельными могучими деревьями. Здесь горожане пасли скот, заготавливали на зиму корма, здесь же и отдыхали. В моей памяти остались светлые воспоминания об этом райском уголке, так быстро исчезнувшем под слоем воды после создания Камского водохранилища.

Все лето мы пропадали на реке – семья большая, кормиться летом вообще нечем, кроме картошки, свеклы и моркови. В основном мать делала окрошку: старая квашеная капуста, вареная картошка, несколько яиц и несколько ложек сметаны. А на реке было много рыбы. Мы бредожками всяко за час ведро наловим – и самим поесть, и домой принести.

Город утопал в зелени. У каждого дома в палисаднике росли цветы, был и огород – 20–30 соток земли под картошку и овощи. В центре улицы были вымощены булыжником, остальные же были немощеные. Дома в основном были деревянными. Только в центре города стояли каменные – несколько жилых домов, в которых до революции жили богатые купцы, каменными были также магазины, рынок, тюрьма и клуб. Помню, что в клубе стояли два шикарных бильярдных стола, и в бильярд играли только на деньги. Отец здорово играл и за одну ночь мог выиграть зарплату, которую целый месяц выколачивал в кузнице молотком. Он меня все таскал с собой, хотя мать сильно ругалась: пытался учить, но бильярдиста из меня не получилось. В этом же клубе был зал для заседания уездной думы, мест на триста, и уже при советской власти там зимой часто ставили постановки. Очень красивый зеленый бульвар уходил от клуба в сторону Камы, к пристани. Там стоял летний театр, даже приезжали знаменитые артисты цирка со всеми своими приспособлениями и воздушные акробаты. Приезжал и КИО¹ со своими фокусами, которые мы никак не могли разгадать.

В городе было три церкви. Две разрушили: я помню, как сбрасывали колокола, они падали и разбивались, а мы, ребяташки, визжали от восторга. Одну церковь, которая находилась рядом с кладбищем, сохранили. Удивительно, но эта церковь работала и до войны, и всю войну. Особенно она стала популярна после войны, когда служить в ней приехал дьякон: кра-

¹ Эмиль Теодорович Гиршфельд-Ренард, использовавший в те годы псевдоним КИО (не Кио). (Прим. ред.)

сивый мужчина лет 28–30, капитан-летчик. Его сбили, и он попал на территорию противника, где каким-то чудом спасся. И вот он уверовал, что есть Бог, и дал себе слово: как только спасется, то сразу пойдет в церковь. Его подобрали партизаны. Еще война не закончилась, когда он был демобилизован по ранению. Народ повалил, и даже не столько на службу, а чтобы на него посмотреть, его послушать. Пацаном я в церковь тоже ходил. Особенно любили мы причастие – давали сладкий кагор. Вот раза три-четыре подойдешь, а потом тебя приметят: «Ах, оголец!» Поп шлепка даст и выгонит...

Отец был совсем не набожный, в религию не вникал. А вот мать стала набожной во время войны: молилась, чтобы дети остались живы. Нас трое было на фронте: брат, я и сестра. И вот мама все молилась, и потом, когда закончилась война, и мы трое пришли домой, она говорит: «Я за вас очень молилась, и вы остались живы». Я ей говорю: «Мама, за всех же молились, но не все остались живы?» – но разубедить ее я уже не мог. Говорит: «Я лучше молилась». Когда уже закончилась война, мать в церковь редко ходила, некогда было. Ведь ей было уже за 40, когда она последнего родила, в 1942 году. Помню, что, когда я узнал, что у родителей еще одна дочь родилась, я такое грозное письмо написал матери! «Что же вы нищету разводите, что ж вам не хватило той нищеты, которую мы перенесли?» Я страшно не хотел, чтобы много детей было, потому что тяжело жить, когда много детей. Каждому надо было что-то покупать, каждого кормить, каждого надо воспитывать. И вот я даже такую глупость сделал, что всю войну писал письма, и никогда маленькой сестре не передавал ни приветов, ни ответов, она для меня как умерла! Я так матери и написал, что для меня она не существует... Конечно, я мать обидел. А когда приехал с войны, гляжу, такая шустренькая девчушка бегает. И так она мне понравилась! Тоже боевая, шустрая, как мама!

Единственная дорога, которая соединяла нас со страной, – это Кама. Летом жизнь была ключом, люди ездили в Пермь, в другие прибрежные города, а зимой всякое движение прекращалось, городок как бы засыпал под снегом. Зима начиналась в конце сентября, всю зиму были устойчивые морозы от —20–30 и до —45 градусов, которые стояли до апреля. Даже в мае можно было утром кататься на коньках по замерзшим за ночь лужам, а на лыжах мы катались до самого апреля. Лыжи делали сами, а вместо креплений использовали кожаный ремень. Бегал я великолепно – даже взрослые мне уступали! Когда я стал чемпионом района², мне дали хорошие лыжи с креплениями. Тут уж мне вообще не стало равных. Катались мы на Пугачевских горах, недалеко от города. Как мы утром уходим, только к вечеру еле ноги приносим. Придешь, чуть капусты поешь, заваливаешься спать – и спишь мертвым сном.

Мой отец был двадцать вторым ребенком в семье – девять двоен бабка принесла и четыре раза рожала по одному ребенку. Рос он крепким, здоровым, очень сильным парнем, но образования получил всего 4 класса. Его отец, мой дед, умер, когда ему было 10 лет, а мать умерла пятью годами ранее. На воспитание отца взяла сестра. В одиннадцать лет он пошел работать молотобойцем в кузнице мужа сестры Вихорева, а в 1912 году ушел в армию. Отвоевал империалистическую войну, Гражданскую войну: был у Колчака, потом перешел в Красную Армию и воевал уже против Колчака в армии Блюхера. В одном из боев отец получил множественное ранение осколками ручной гранаты. Осколки были мелкие, но все лицо и грудь были изранены. Его отвезли в госпиталь, после которого он вернулся домой.

Отец любил, когда мы, пацаны, и особенно малыши, его облепляли. Я помню, в воскресенье после обеда он развалится и, как медведь, с нами возится, переворачивается. У него осколки были кругом, мы находим и выколупываем – то из уха, то из груди. Конечно, это больно, но он молчит, терпит. Мы думали, что хорошее дело делаем...

Он был очень опытным кузнецом. Рядом с домом стояла деревянная сельская кузница, где отец работал с раннего утра до позднего вечера. В середине тридцатых ее снесли, и отец

² Осинского района Пермской области. (Прим. ред.)

работал в кузнице, которая принадлежала подсобному хозяйству горсовета. Три кузницы были рядом – но все ехали к нему, он большой мастер был. Знали, что он лошадь никогда не закует, что если надо телегу оковать, то он все сделает добротнo и вовремя. Когда машины начали появляться, он даже кое-когда запчасти для них выковывал. Еще он делал очень красивые витые заборы. И потом добрый был, много просто так отдавал. Кочергу или какой-то топор – «Ладно, забирай». Мать его потом пилит: «Где топор?» – «Отдал. Сделаю, сделаю, не шуми». Большим хлебосолом был! А какой у него был голос! В армии он был ротным запевалой. После того как вышел из госпиталя, его даже приезжали слушать из Пермского оперного театра, предлагали ехать учиться в Москву, но он отказался, – ему было тогда 28 лет, и он сказал: «Уже поздно». Слишком уж долго, восемь лет, он прослужил солдатом в армии, устал и захотел домой. Но сколько я помню, до самой смерти отец все время пел или что-то мурлыкал себе под нос. Помню, зимой идет из гостей выпивши, поет... Когда он вышел на пенсию, то записался в хор пенсионеров при Осинском доме культуры, где долго выступал солистом.

Моя мать, Надежда Никифоровна, была дочерью бригадира каменщиков. При строительстве одного из трех храмов города он сорвался с лесов и разбился – мать осталась одна. Она увлеклась стряпней: разные булочки, шаньги, хлебцы выпекала, а потом продавала на рынке. Отца она знала еще до того, как тот ушел в армию, – он ухаживал за ее старшей сестрой, а ей, тогда десятилетней девочке, поручал вызывать ее из дома. Когда она себя плохо вела, то ее пугали им: «Вот погоди, Панка (Павел) придет, он все окна побьет и тебя вместе с ними!» Так случалось, бывало, он так делал. Конечно, он же безотцовщина! Раньше на каждой улице города был свой «клуб»: в более просторной избе собиралась молодежь, там пляска была, кадрили, песни пели. И очень не любили, когда с другой улицы кто-то приходил. Даже как бы райончики были: Ершовский район и другие. А если вдруг кому-то девчонка понравилась с другой улицы и он начинал туда ходить, его оттуда убирали. Он тогда собирал друзей, они шли туда, потом находили предлог, и начиналась потасовка! Но отец ходил смело, решительно: кулак у него был здоровый, и от него разбежались. Отец был среднего роста, но широкоплеч и могуч – он обладал удивительно большой силой. Но потом ему мстили: один раз, как отец рассказывал, встретили его, окружили с кольями... У него за пазухой были стальной прут и нож в кармане, но пока он разворачивался, ему как врезали по горбушке, и он упал. Потом, конечно, все разбежались, потому что лежачего не бьют. Но он знал, кто это был: парни не прятались, маски никто не надевал. Такую бойню они там потом устроили, побили его обидчиков сильно!

Когда отец вернулся из армии, ему было 28, а матери 18 лет, ее старшая сестра уже вышла замуж и уехала в Томск. Тетка, у которой жил отец, подобрала ему богатую невесту. А ему мама понравилась: она была маленькая, шустрая, веселая, говорливая. Он сказал, что женится на ней, – высылайте сватов. Приехали, а мать наотрез отказывается. Вплоть до того, что пригрозила: «Удавлюсь!», и даже приготовила веревку. Потом ее все-таки уговорили. И они прожили жизнь в мире и дружбе, родили 10 детей. Я не видел ни одной семьи, чтобы так дружно, так любезно прожили всю жизнь, как мои родители! Никогда не слышал, чтобы отец ругнулся на мать. Мать же могла на него шумнуть, и он беспрекословно подчинялся.

Мать любила чистоту, порядок, любила, чтобы у нее блестели полы. Она была большой выдумщицей, гадала на святки, колядовала. Помню, рядом жил дядя с женой. Эта полненькая женщина была чересчур любопытна: любила и подслушать, и поболтать. И вот однажды мать оделась мужиком и подкараулила ее. Та выходит из дома, а мать повалила ее и имитирует изнасилование. Та потеряла сознание. Сразу забегали, позвали врача. Пока врач пришел, ей стало легче. Потом они с год не разговаривали, так она обиделась на мать. Вот такой был у мамы неумный характер: то цыганкой нарядится, пойдет гадать, то еще что-то учинит.

Она окончила 7 классов гимназии и была очень начитана, знала литературу. Летом ей некогда с нами было заниматься, а зимой мы залезали на печку, и она нам читала сказки Пушкина, а позже «Евгения Онегина», стихи Лермонтова. Мы все произведения знали наизусть.

Потом мы уже сами с малышами разучивали стихотворения, знания передавались «по наследству» между детьми. Мама приучила нас ходить в библиотеку. В городе были детская и взрослая библиотеки. Публика была очень читающая, очередь за книгами была всегда! Библиотекари были внимательные, начитанные, – они занимались просветительской деятельностью, могли посоветовать: «Почитайте это или то». С 4-го класса я начал читать очень активно и очень много и где-то к 9—10-му классу прочитал все, что было: полное собрание сочинений иностранных и наших авторов. Помню, «Три мушкетера» мне дали на сутки, и я за сутки их прочитал. Тогда настольных ламп не было, только лампа с керосином и свеча. Когда на печке было свободно, я туда залезал и читал.

Частенько у нас жила слепая сказительница, которая ходила по домам. Ее кормили, поили, она спала в доме и рассказывала сказки о разных чудесах, о леших, русалках и прочей нечисти. Мы жались от страха, чуть где-то скрипнет, мы уже озираемся – так она нагоняла на нас страху. Один раз рассказала, что после третьего жара нельзя ходить в баню, поскольку там черти моются. Первый жар – идут париться взрослые. Второй – идет молодежь. А в третий раз – мать ведет детей. Мы с братом решили: «Дай проверим!» Взяли ножи, пошли. Свечка горит, отражается в луже на полу, а нам кажется – глаза! Быстрей помылись и бежать! Никаких там чертей не было, никто за нами не гонялся, мы просто сами сдрейфили!

Как-то мне сказали, что «Вий» надо читать одному и после 12 часов ночи: вот тогда увидишь, как черти бегают, они тебя окружают. Я дождался 12 часов, когда все уже уснули, забрался на печку, взял книгу, лампу и начал читать. Такое большое произведение, я читал, читал – почти до утра. Полное разочарование, никаких чертей я не видел! После этого я понял, что никаких чертей нет, и уже ничего не боялся.

Отец, мне кажется, не принимал участия в процессе воспитания. Нравоучений он не читал, редко вмешивался в наши дела и шалости, был очень терпим к нам. Мы же, глядя на то, как он трудится с утра до вечера, каким уважением он пользуется у других, как он все делает добротнo, равнялись на него. У нас в семье не было лодырей, все работающие: девчонки помогали матери, мы – отцу. Родители приучали нас зимой убирать снег в огороде и на тротуаре вдоль дома и участка, прилегающего к нему. Летом – сажать овощи в огороде, пропалывать, окучивать картофель, ухаживать за птицей и живностью, которая у нас была, – курами, коровой. В городе почти у каждой семьи тогда была корова. Пастуху от каждого дома по очереди выделялись два помощника. Те, кто не мог выделить, просили кого-то и платили за работу 3 рубля. Я очень любил ходить подпаском – 3 рубля, бутылка молока и кусок хлеба. Меня это устраивало. Ночью сидишь, костер горит, скот спит, а утром его поднимаешь и гонишь, чтобы наелся, и уже сытым гонишь домой на дойку...

Мое детство выпало на годы становления Советского государства. Все земли в 1918 году были конфискованы у помещиков и церковников и разделены между крестьянами. Дележка, конечно, была не простой, крепкие мужики бились за хорошие угодья: они знали, где лучше пахать, где хорошая земля. А разные пьянчуги, лодыри, им какая разница, какую землю дадут? Они землю получили, но ее не обрабатывали, сдавали: это тогда называлось «испол». Надо сказать, люди истосковались за время войны по работе. Были, конечно, и те, кто начал пьянствовать или заниматься грабежом, но основная масса пошла работать. Так и после Великой Отечественной войны было...

Все фабрики были национализированы, все были переданы в руки народа. Мой дядя, матрос с крейсера «Аскольд» и коммунист с 1915 года, был выбран директором кожзавода, потому что он был честным, порядочным мужиком. В двадцатые годы бурно развилось предпринимательство, встали на ноги крепкие хозяева, которых потом стали называть «кулаками». Конечно, никакие это были не «кулаки», а самые работающие, одаренные люди. У них, как правило, была большая семья, по 10–15 человек детей, хорошее подворье, до десятка коров, 4–6 лошадей, свиньи. Мясо и зерно они продавали, деньги были, а если деньги есть, значит, строи-

лись. В деревнях их дома были самые мощные, красивые. Так и должно быть, потому что детей много, и нельзя жить в тесноте. При этом сами бытовые условия были крайне примитивными.

Вот взять нашу семью. Поначалу дом был крыт тесом, потом отец стал лучше зарабатывать и перекрыл крышу железом. При этом дома была убогая, примитивная, часто кустарная мебель: стол, стулья, лавки, голый пол, и никаких штор – только у людей с большим достатком на окнах висели занавески. Летом мы спали где придется – на сеновале, а то и просто на улице. Зимой младшие спали на полатах – на них не так жарко, как на печке. Мы, старшие, всегда спали на полу, вповалку, бросив какое-нибудь пальтишко под себя, другим накрывшись, положив валенок под голову. Одежда у нас была самая простая. Брат матери был портным, в нэп у них была своя мастерская, закройная и пошивочная. Она покупала материал, и нас обшивали ее родственники. Материал брали самый дешевенький, зато мы всегда были чисто и аккуратно одеты. Единственное, что я всегда был подвижным и шустрым, и мне одежды надолго не хватало. С обувью было трудней. Зимой валенки были одни на двоих: один гуляет, другой дома сидит, а начиная с весны и кончая осенью, мы бегали по улице босиком. В футбол играли тоже босиком.

Родительский дом

Пальцы себе разбивали. Настоящего-то мяча не было: сшивали камеру, тряпками набивали. Катится такой мяч плохо: ногой больше по земле попадаешь, чем по нему.

Помню, к 1 сентября мать собралась купить мне ботинки на осень. Я в это время прилично играл в футбол, поэтому умолял мать купить мне вместо ботинок бутсы (мы их называли «бутцы»). Мать упиралась, но устоять не смогла, сжалилась и купила бутсы. При этом она в сердцах бросила: «Ну и носи свои ботинки на шипах». Радости моей не было предела! Я берег это сокровище, ходил в бутсах всю осень в школу, играл в футбол, любовался, гордился ими и берег их как очень большую драгоценность. И потом, когда мои бутсы поистрепались, а шипы глубоко врезались в подошву, я продолжал терпеливо их носить.

Питались мы по-разному, в зависимости от времени года. Основная еда – овощи. Мясо было только осенью, когда шел забой скота. Мать ходила на рынок, выбирала, а дома делала пельмени. Делала она их много, замораживала, и потом по праздникам мы их ели. Это был

самый большой деликатес. Правда, мука была черная, ржаная, но все равно пельмени были вкуснейшие. Самый тяжелый период – это, конечно, весна. Картошка на исходе, она уже теряет свои качества, хотя хранение было хорошо налажено, капуста тоже вялая становится – есть нечего. Как только сошел снег, начинается сбор трав – крапива шла вместо капусты. Из нее делали похлебку, замешивая с мукой. Потом ягоды пошли, грибы. Летом еда была более разнообразная, но не жирная. Фактически летом мы жили «на подножном корму», – только хлеб мать пекла. Ловили рыбу, а в 12 лет мне дядя подарил берданку 16-го калибра. Вместо дробы использовали рубленую проволоку, а вместо пороха – счищенную с головок спичек селитру. Ружье я потом продал, а на вырученные деньги купил в магазине краковскую колбасу – помню, как делил ее на кусочки, растянув удовольствие на несколько дней. Кстати сказать, в магазинах, кроме нее и некоторых консервов, тоже ничего не было. Чай мы пили то малиновый, то свекольный. Редко мать нарубит каждому по кусочку сахара, и мы пьем его вприкуску. Сахар был для нас редкость, а конфет мы вообще никаких не ели.

Пока было ружье, каждый выходной я ходил или на утку, или на зайцев. Зимой я всегда упряжку делал: с вечера ловил на рынке пару-тройку бездомных собак, а утром запрягу их, а свою собаку Грауса (помесь сеттера и лайки) ставлю сзади и на них натравливаю. Он за ними летит, они от него – и несут меня. Потом я их отпускаю, а он со мной ходит. Те собаки в стороне, но нас сопровождают. Я как-то зайца подбил, мой бросился за ним, и эти голодные тоже. Поймали зайца и как начали его рвать! Я на лыжах за ними! Пока добежал, они зайца изодрали. Но я все равно его взял – семья у нас большая. Обратного меня уже только Граус тащит – тихонько, но тащит. Собака была исключительно сильная и умная. Два волка ее взять не могли! Дом-то был на окраине. Ночью просыпаемся от стука в дверь. Прислушались – визг собачьей драки. Отец пальцем оттаял немножко окно: «Волки!» Я схватил свою берданку, зарядил, отец схватил топор. Говорю:

С псом Граусом. 1936 год

«Я крикну, потом открою дверь». Открыли – там два волка. Я выстрелил, они убежали в поле. У Грауса были порваны все уши, но взять они его не смогли!

Была у него такая привычка: он любил ногами на грудь встать и языком подбородок лизать. Я уже стал погуливать, это где-то в 9—10-м классах. Один раз познакомился с девчонкой, хорошая такая девчонка. Вижу, он выскакивает, а ночи у нас светлые. Я кричу: «Граус!»: а он ей лапы на плечи положил, и она испугалась страшно, потеряла сознание. Я ей по щекам, – отошла, выругала меня и убежала. Я ему говорю: «Что же ты делаешь, от меня отбиваешь девчонок? Что тебе, сук, что ли, не хватает?» Он чувствовал свою вину – все понимал, когда я с ним разговаривал! Я понимал собаку, и она меня понимала.

В 1928 году у отца появилась мысль построить кирпичную кузницу на два горна, чтобы нанять работников. Осенью 1929 года он закупил кирпич, а с лета – начал строительство. Я тогда любил подслушивать, как взрослые разговаривают, и вот как-то пришел дядя, тот, что был директором кожевенного завода. Он уже стал председателем райисполкома. Я залез на полати, а они сели на кухне: поставили бутылку водки и ведут разговор. Дядя рассказывает отцу: «Панка, сейчас начинаются новые времена. В деревнях будут раскулачивать и у частных отбирать все лишнее. Будут применять меры вплоть до ареста. Давай-ка ты бросай свою затею с кузницей, продавай все и уезжай». Отец так и сделал. Его позвали заведующим хозяйством на металлургический завод в Южнокамск – там было большое подсобное хозяйство. Дом заколотили и уехали. А вскоре частное предпринимательство прикрыли...

Переезд в Южнокамск тем не менее не спас отца от ареста. Там на него написали кляузу, и его посадили. Мать осталась одна с 8 детьми в большой комнате, которую нам дал совхоз. Отца отправили в тюрьму в Оханск. Мы ездили, навещали его. Через четыре месяца отца вызвали: «Вот так, Павел Семенович, мы проверили все факты, факты не подтвердились. Это на вас был ложный донос. На человека, его написавшего, вы имеете право подать в суд, – и ему дадут 10 лет тюрьмы за ложное обвинение». Но отец был незлобивый, говорит: «Да нет, я подавать не буду, я с ним сам рассчитаюсь». – «Как хотите, это ваша воля, ваше желание». После этого мы вернулись домой в Осу. Расколотили дом и зажили на старом месте.

Коллективизация была, конечно же, огромной ошибкой. Самых работающих, самых способных, самых хороших людей арестовали, выселили. Их и надо было ставить бригадирами, чтобы они заставили работать остальных. Я помню голод 1933 года после раскулачивания... В нашей семье выжили все, но мои братья и сестры стали больными – питались суррогатными лепешками, которые делали из жмыха с добавлением муки. Эти лепешки, когда их ешь, раздрают горло – такие противные. Я наострил стрелять из рогатки и бить воробьев. Убил, выпотрошил, ошпарил, в печку бросил, они там пропекаются. Потом суну в карман – и хрущу. С костями их съедал, только ножки их не разжуешь. Весной грачей ловил и собирал грачиные яйца. Один раз мы ездили за мукой в Мордовию. Тогда одежды не было – люди любую дрянь брали. Вот мы собрали все, что можно, и повезли менять. Набрали 28 килограммов муки и поехали назад. По дороге ели как? Сядем, мать зачерпнет ключевой воды, несколько ложек муки бросит, размешает, и мы ложкой хлебаем. А уже дома она начинала не то чтобы хлеба печь (28 килограммов на всю семью – хватит, что ли?), а делала пироги с сушеной лебедой, без соли.

Нас спасло и то, что в самые тяжелые, неурожайные годы каждые весну и лето отец уезжал в село Крылово, где работал в колхозной кузнице. Вместе с отцом уезжала в Крылово вся наша семья. Отец работал здорово: за сутки мог заработать 14–16 трудодней, тогда как местный кузнец еле-еле 4. Пришлось директору повысить расценки и попросить отца работать поспокойнее. На трудодни выписывали муку, молоко, мясо. У нас был свой огород, мы рыбачили.

Мои братья, сестры не особенно стремились работать, а я всегда это делал с удовольствием. Все летние каникулы мне приходилось работать с отцом в кузнице. Он мне сделал облегченный молот и подставку, чтобы удобнее было работать у наковальни. Работал я и

на прополке, но особенно мне нравился сенокос, весь пафос коллективного труда. Это надо было видеть! Молодые ребята, здоровые девчонки работали все вместе. На сенокос выходили чисто одетые: девчонки в платочках, напудренные, скрывали румянец, чтобы чистенькие были, беленькие. И что характерно: никто никогда не посягал на девичью честь. Потом знакомились, осенью женились. Особенно мне нравилось возить копна. Передок телеги снимается, рубятся молодые березки. Штук пять березок связывают и на них набрасывают копну: набросят, прижмут ее, и я везу к стогу сена. Там же большой сметанный омет³, и опытейшие колхозники уже знают, как укладывать: с тем чтобы, когда зимой верхний слой снимешь, там хорошее сено было. А если неправильно уложить, то сено погибнет. Я там косить научился. Идет человек 20–30: шутки, прибаутки. А когда обед, то вообще весело: анекдоты, подтрунивание. Веселый труд был! Все нарабotaются, устанут, после обеда два часа поспят – и опять до вечера. А вечером на лошадей, на телеги и уезжают. Успевали мы тут же в логах и на склонах гор собирать землянику и грибы, которых в ту пору было превеликое множество. Самым же большим удовольствием и радостью была река Тулва, где мы утром, редко в обед и больше вечером после работы плавали, дурачились, резвились, а при закате и восходе солнца удили рыбу и варили уху.

Возвращаясь потом в Осу, я так же работал с отцом в кузнице в утренние часы перед школой и в выходные дни. Школа была почти рядом с кузницей, и я шел на первый урок прямо с работы. Я учился в средней школе, где было пять 5-х классов, шесть 6-х, пять 7-х, четыре 8-х и два 10-х. Учились в две смены, и если возвращались ночью, то шли с фонариком, в который вставляли свечку.

В 5-м и 6-м классах мы учились вместе с детдомовцами: ух, мы и хулиганили! Сейчас, когда при мне детей ругают за плохое поведение, я думаю: а что же с нами тогда надо было делать? Скажем, у нас пришел учитель музыки. Ему сказали, что «класс очень тяжелый, разболтанный, вы с ним поосторожней». Но он сразу решил взять класс: «Дети, я вас научу музыке, вы будете знать ноты, великих композиторов!» Пока он распинался, у него раз – стащили скрипку. Он говорит: «Где скрипка, отдайте!» – а у него раз – смычок вытащили! Начали пикировать. Он бежит на звук, а в это время ее с одной парты на другую. Там опять – скрип-скрип. Пока он бегал, у него стащили журнал. Он сидит, плачет: «Дети, отдайте мне скрипку, поиграли и хватит!» Ну, ладно, отдали ему скрипку. Он выскочил из класса и больше к нам не приходил. Потом мы подбросили журнал, когда сами себе наставили оценки! Преподаватель истории говорит мне: «Слушай, когда я тебя три раза подряд спрашивал и три раза пятерки ставил?» – «Раз стоит «пять» – значит, вы меня спрашивали!» – «Да не спрашивал я тебя, что-то не помню. Ладно...» – и махнул рукой. Вот такие вещи мы делали!

До войны в школах очень хорошо была развита самодеятельность. Работали кружки: драматический, хоровой, акробатический и т. д. Каждый класс, во главе с классным руководителем, готовил свою программу, которая включала небольшие постановки, скетчи, художественное чтение, пляски, сольное и хоровое пение, акробатические этюды и т. д. Проводились школьные смотры художественной самодеятельности, лучшие номера отбирались и включались в общую самодеятельность, и с этими номерами ученики выступали на школьных вечерах. А классную самодеятельность каждый класс показывал ежедневно на сцене актового зала на большом перерыве, который длился 30 минут. Кто-то отдыхал, перекусывал, а на сцене в актовом зале шли представления: стихотворения, разные скетчи, постановочки маленькие делали. А руководил этим классный руководитель. Я принимал активное участие во всех видах самодеятельности. Тогда полная свобода была: мы читали, что хотели, и есенинские стихи читали, и песни его пели. В субботние вечера на колхозных лошадях в розвальнях мы ездили в близлежащие деревни Тишково, Устиново, Гамцы, Мозунино и на сцене убогих колхозных клубов давали представления. Конечно, у нас были примитивные, наивные детские номера, но ведь

³ Куча сена округлой формы. (Прим. ред.)

в деревнях и этого не было! Так что колхозники и мал, и стар шли в клуб, смотрели на нашу самодеятельность и даже аплодировали.

Второй голод был у нас в 1937 году, но не такой сильный. Тогда выдавали по две буханки хлеба на семью, мать их разрезала на 12 порций и, отдавая нам, приговаривала: «Хочешь есть, хочешь пей, хочешь на другой день оставляй» – любила она присказки. Я сразу съедал. Приходилось ночами и зимой, и летом простаивать в очередях, а затем делить буханку хлеба по 200–400 г на едока на день.

В то время стала появляться «советская элита». В нашем городке это был директор МТС, директор кожевенного завода, директор мясокомбината. Эти люди могли «кормиться» от своей работы. Тогда же, на мой взгляд, начиналось зарождение взяточничества. С детей этих директоров мы брали «оброк»: он дома получит кусок хлеба, половину съест, а половину втихаря засунет в карман и нам тащит. Под угрозой, конечно: «Не дашь хлеба, мы тебя побьем!» Я уже писал, что мы учились и дружили с детдомовскими. Оттого-то наш класс и считался необузданным. В городе два лучших кирпичных дома отдали им, но воровская жизнь затягивает... Пошлют беспризорника в детдом, он проживет там месяц-полтора и убегает. Его опять ловят и опять в детдом. Для меня это было просто непонятно. Они жили в роскоши, которая мне не снилась! У каждого койка, нормальные одеяла, простыни, трехразовое питание. Мне в лучшем случае мать давала утром полстакана молока и небольшой кусок хлеба – и это на целый день. А им на большой перемене целые корзины бутербродов приносили. Они налетят, всех девок отталкивают, наберут хлеба, а на уроке друг в друга бросают, войну устраивают. Я их ругал: «Как же так?! У нас хлеба нет, а вы разбрасываете!» – «Так бери, если нет». Как только приносили, я туда тоже, вжик! Бутербродов нахватаю, в сумку – и сестренкам раздаю.

Несмотря на голод и наши проказы, учился я неплохо, не прикладывая при этом особых усилий. Думаю, мог быть и отличником, но не хотел, поскольку мы их презирали. Это были чуждые нашему буйному детству люди. Отличник всегда один, а мы все вместе бегали, прыгали.

Тогда же, пацаном, я сделал себе две наколки, включая медведя на ногу. Что сказать? Мы все вращались в блатном мире. У меня 66 братьев и двоюродных сестер, – и среди них всякие были: и порядочные люди, и уркаганы, и даже преступные авторитеты. Геннадий Брюхов, сын старшего брата моего отца Николая, приходился мне двоюродным братом. Когда ему было 23 года, у него уже было 38 лет тюремного срока, с побегами. Последний раз он где-то в 1939 году совершил побег и приехал к моему отцу. В семье все очень уважали моего отца, он пользовался большим авторитетом. Такой спокойный, уравновешенный, всегда придет на помощь. А ведь все знали, что мой двоюродный брат совершил побег, что его ищут. Мы с ним на сеновале спали, он мне о своей жизни рассказывал, и я тоже этой романтикой увлекся. Мы хотели банк ограбить! «Я с вами пойду». – «Пойдешь, пойдешь...» Мне сказали, что пойдут на дело, и я ночь не сплю, думаю: «Как только пойдут...» А потом просыпаюсь: я сплю, а его нет. Я потом только узнал, что он всехуркаганов предупредил: «Если только вы его тронете, если только куда-то возьмете, я вас из-под земли достану! Кого угодно берите, родня большая, но его не трогайте». Видимо, из уважения к моему отцу.

Я тогда сразу на рынок побежал, там все слухи. Банк у нас ограбили, а я так и не поучаствовал. И хорошо, а то тоже бы загремел! А их так и не поймали: у нас километрах в двадцати пристань Беляевка, они знали расписание, на лошадях туда махнули и уплыли. Ему опять 12 лет добавили. Только потом, в 1941 году, его взяли. Но когда создалось тяжелое положение с укомплектованием войск, из тюрьмы взяли всех уголовников (всех, кто получил до 10 лет) и направили в войска, в штрафные батальоны. Не брали только политических, репрессированных и совершивших особо тяжкие преступления. Он во время войны в двух штрафных батальонах воевал и остался жив. Вот когда он пришел с войны, после двух штрафных батальонов, после ранения, тогда он уgomонился: прекратил воровать, сел на машину и стал работать

шофером. Он работал в совхозе, и, когда у их кассира вытащили сумку с деньгами, он нашел своих дружков, и все деньги вернули. Но все равно душа рвалась, стал он выпивать. Способный парень был, но непутевый...

Были у меня и другие такие двоюродные братья: по материнской линии, по отцовской сестре – Аркадий Вихорев, Колька Брюхов, еще Бочкарев, тоже с нашей родни. Когда мне было 15–16 лет, они все собирались от нашего дома в кварталчике, где была так называемая «малина». Девчонок водили, водку выпивали («Горный дубняк» была водка). Нам наливали граммов по 30, меня всегда оберегали, не давали: «Хватит, все». А сами хорошо гудели! Сначала кого-то побили, кого-то раздели, что-то украли. Им раз – три года дают, молодые. Они вышли, опять, – тут им добавили 10 лет. Потом побеги, и по нарастающий набралось очень много: за побег всегда 12 лет давали... Для нас, пацанов, это было очень интересно!

В последние два года перед войной жить стало намного легче. Голод отступил, магазины наполнились товарами. В деревнях на трудодень стали давать вдоволь продуктов. У нас появилось свободное время. По улицам, районам, кварталам города стихийно создавались ребячьи коллективы, где были свои футбольные, баскетбольные, волейбольные команды. В футбол играли все, от мала до велика. В городе был ряд спортивных обществ: «Спартак», «Пищевик», «Гороно», «Педучилище» и другие. Играли прилично! Были и свои кумиры, на которых ходили смотреть и которых мы, парнишки, и даже взрослые обожествляли, к кому относились с подчеркнутым уважением. Часто в Осу приезжали футбольные команды Перми, Свердловска, Челябинска, Краснокамска, Частых, Елово, Саракула, Оханска и других городов Пермской области. Довоенная сборная Осы играла успешно, выигрывая даже у Перми. Команда была сильная, и Оса пользовалась в области репутацией «футбольной Мекки». На стадионе всегда собиралось большое множество народу, каждый матч был событием, праздником горожан. Игроки выходили на игру, как на бой, и играли! Да как играли! Отдавали себя игре без остатка. К 1941 году подрос и я, стал играть за вторую команду «Спартак» правым полузащитником. Играл я прилично и к 1941 году стал капитаном второй команды «Спартак», завсегдаем стадиона и своим человеком в спортивном мире Осы. В школе мы создали акробатическую группу: Коля Бобин – основа, Володя Драчев – низ, и я – верх. В основном мы придумывали и создавали пирамиды. Публике нравились наши выступления. Акробатика захватила меня: я прыгал, кувыркался, ходил на руках, жал стойки, где только мог. В нашей группе было 3 человека, но на стойку выходил я один, все восхищались.

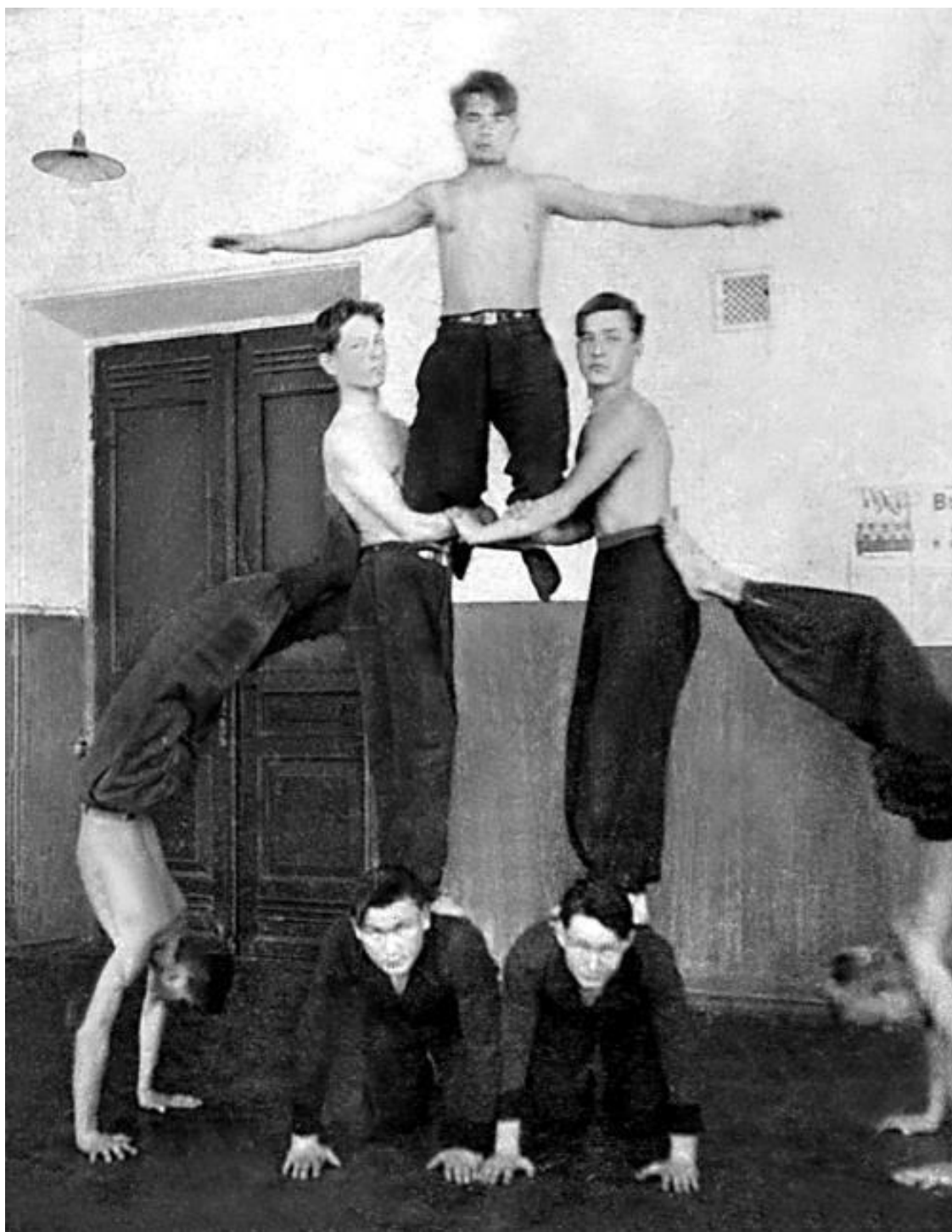

Гимнастическая группа, 1941 год: Лунегов, Фофанов, Светлаков, Н. Брюхов, Пенегин, Титов, Василий Брюхов

Тогда спортивных залов, больших стадионов и дворцов спорта не было. У нас было единственное футбольное поле, одно на всех, – и 400 метров дорожка вокруг него. Была трасса, проложенная на 3, 5, 10 километров. Я любил бегать длинные дистанции, до 10 км, и на этих дистанциях часто побеждал своих сверстников. Но больше всего по душе мне были лыжи, которые я любил беззаветно. Мне доставляло огромное удовольствие мчаться с бешеной скоростью с гор или бежать по лыжне. Каждую субботу после уроков и в воскресенье с утра мы, ватага ребятшек, уходили на самодельных лыжах на «увалы» (это небольшие спуски за городом), на бульвар, а чаще всего на Монастырские горы. Здесь было раздолье, горы на любой выбор, и венцом спуска была Пугачевская гора. Лыжня прокладывалась по летней пешеходной тропе, посредине нее стоял пень, и в этом участке нужно было обязательно поднять правую ногу и проскочить на левой. Затем тебя выносило на берег Камы, ты совершал прыжок с обрыва и катил дальше по плотному снегу замерзшей реки. На этот спуск отваживались немногие: большинство начинали спуск от пенька.

Систематически занятия и хорошие природные данные, отменное здоровье, а также всестороннее физическое развитие стали выделять меня среди сверстников. Я побеждал на соревнованиях на первенство своего класса, на первенстве школы, а затем на первенстве города. В 1940 году я был чемпионом города, района, а в 1941 году и чемпионом области среди юношей, получив в Перми на этих соревнованиях 1-й спортивный разряд.

Лозунг «Готов к труду и обороне» был для нас «делом чести, совести и геройства», как у нас говорилось. С малолетства в дни призыва в армию мы крутились в городском военном комиссариате и смотрели, как проводится отбор в армию крепких и здоровых парней. Служба в РККА была в большом почете! Тех, кто отсеивался, называли «бракованными». Для них это было трагедией, а для родных позором. Девчонки неохотно с ними дружили и еще неохотнее шли за них замуж.

На тренировке

С большой радостью мы встречали демобилизованных из армии парней. Приходили они возмужавшие, пройдя хорошую школу физического и нравственного воспитания. После небольшого хмельного отдыха они мастерили примитивные спортивные снаряды и занимались физической зарядкой. Мы занимались вместе с ними, перенимая их сноровку. А после, когда они прекращали занятия, продолжали заниматься, усложняя и придумывая новые упражнения.

В городе был один кинотеатр. Пацанами мы каждый день ходили в кинотеатр. Билет стоил 5 копеек. Мы, человек 5–6, собирали по копейке и покупали один билет. Один с билетом проходил в зал и, как только начинался фильм, снимал крючок с двери, и мы врывались туда...

Билетеры начинали нас ловить, какого-то поймают, какого-то нет, – а я был шустрее всех, меня реже ловили. К тому же народ все-таки нас поддерживал, прятал. За нами бегают, а зрители кричат: «Хватит, дайте кино смотреть! Фильм идет!» И они сдавались. Фильмы того периода: «Волга-Волга», «Маскарад», «Истребители», «Большая жизнь» – мы знали почти наизусть. Особое впечатление на нас произвел «Чапаев». Меня поразила его смелость, храбрость, я захотел быть Чапаевым и стал ему подражать. На каждой улице создавался отряд, и мы «воевали» самодельными деревянными шашками. Дрались, но был принцип: лежачего не бьют! Если кто-то допустит такое, это считалось большим позором – человек допустил бить слабого! Зимой снега надувало столько, что улицы были огорожены снежными заборами высотой примерно метра полтора-два. Расчищали только тропку от крыльца до дороги и по ней ходили. К весне снег так уминался, что по нему можно было спокойно ходить. В этих огромных сугробах мы рыли ходы сообщения, командные и наблюдательные пункты и воевали друг с другом.

С 5-го класса начиналось преподавание военного дела. Это был мой самый любимый предмет. По военному делу у меня в школе всегда чистые пятерки были и по физкультуре тоже. Математика мне легко давалась, литература. А вот остальные шалаяй-валяй: то учил, то не учил. Наш преподаватель военного дела служил раньше в армии, дослужился до лейтенанта и был уволен, и вот его сделали преподавателем. Он, конечно, мало что знал, мало что мог нам дать: разве что анекдоты нам рассказывал. Но у нас были малокалиберные винтовки, школьный тир. В старших классах преподаватель военного дела оставлял меня за старшего: все ключи мне отдавал, винтовки давал, и занятия в основном проводил я. Мы знали всю округу и выходили туда, где народу нет. В тире 25 метров максимум, а мы из малокалиберной винтовки уже стреляли на дальность 200–400 метров. Когда зима, он мне всю лыжную станцию отдавал: начнет занятия и смоемся. Тогда я забираю команду, и мы идем туда, куда нам хочется. Мы самостоятельно учились, но все умели на лыжах ходить прилично. Потом, когда я попал в лыжный истребительный батальон, меня там сразу сделали инструктором. Посмотрели, как я хожу на лыжах, как лавирую среди деревьев, как прыгаю с трамплинов, и говорят: «Давай, ты у нас будешь инструктором». Потому что приходили люди, которые в 25–30 лет вставали на лыжи, и не так просто, не ради спортивного интереса! Их надо было учить, а подготовка месяц – и маршевая рота. А чему за месяц научишься?..

Очень мне нравилась строевая подготовка. Помню, летом проводим девчонок до дома, идем и отрабатываем приемы: направо, налево, кругом. Шли и командовали друг другу, а устав-то знали! Так что, когда я пришел в армию, для меня строевая подготовка была любимым предметом. Всегда, когда надо было показать, говорили: «Выходи, Брюхов, покажи». Физически и в военном плане я был готов к службе в армии. Поэтому, когда меня призвали, мне всегда было легко, я не испытывал никаких трудностей, сразу влился в армейскую жизнь и полюбил ее.

Помню, как пришли сообщения о начале боев на Халхин-Голе – это была удачная операция, ее рекламировали. Потом началась Финская война. Появились первые похоронки и слезы, прибыли раненые. Они рассказывали о тяготах войны, поругивали командиров. Начались разговоры о большой войне. Вырисовывался и противник – Германия. В начале 1941 года, и особенно в апреле – мае, о ней говорили вслух, знали, что войне быть, и только не знали, когда. Молодежь была настроена воинственно. Заканчивая школу, мы, три друга, – я, Коля Бабин и Володя Драчёв – твердо решили пойти в военные училища: я – в морское, они – в летное. Оба мои друга потом погибли на фронтах Великой Отечественной, но тогда мы самозабвенно пели: «Нас не трогай, мы не тронем, а коль тронешь, спуска не дадим...» В мае 1941 года к нам в город приехали двое осинцев, окончивших перед войной училище: Брюханов и Волошин. Перед убытием в часть они получили краткосрочный отпуск и заехали в родные края. Подтянутые, стройные, в новеньком обмундировании, затянутые ремнями, они выглядели превосходно. Мы смотрели на них с восхищением и завистью. Я к ним все время приставал с вопро-

сами: «Расскажите, как там в армии?» А они мне: «Отстань, вот пойдешь в армию, там тебя всему научат». Единственное, что их всегда спрашивали: «Война будет?» – «Да, война будет скоро. Думаем, в середине июня». Но мы и так знали, что война будет скоро, потому что в 1941 году началась мобилизация, развертывание боевых частей. У нас забрали в школе очень многих преподавателей, которые окончили офицерские курсы. Многие попадали под призыв в возрасте где-то 34–35 лет. Новые преподаватели пришли из институтов, из училищ, а старших забрали для укомплектования войск, и у нас сразу резко сократилась учеба.

То, что война на пороге, понимали все, но подспудно думали, надеялись, авось пронесет. И все же начало ее оказалось неожиданным, оно потрясло всех... Тем более, еще раз напомним, перед войной мы стали жить лучше: появилось больше продуктов, в достатке было хлеба, в магазинах появились товары широкого потребления и тут – война!

В июне 1941 года мы сдавали школьные экзамены. Только тут я, Погорелов и Бабушкин сообразили, что немецкий мы не знаем. Мы собрались втроем, а я был среди них закоперщиком⁴, и думаем: «За пять лет учебы мы не выучили немецкий язык. Разве сможем его за 10 дней выучить? Нет! А если нет, так зачем нам его учить?» Тоже резон! Все сидят, корпят – немецкий хорошо никто не знал, потому что в классах с 5-го по 7-й нам прислали бывшего военнопленного, который до этого работал бухгалтером. Мы, конечно, его не слушали. Он был лысый, мы накрутим газетных трубочек и плюем газетным мякишем – кто сразу попадет. В старших классах пришла серьезная учительница. Кто постарательнее, тот начал учиться, но грамматику никто не знал, сразу ее не изучишь. Она нас спрашивала: «Как же воевать будете?» – «Мы с немцами разговаривать будем только на языке пуль и пулеметов! Других разговоров у нас не будет!» Она махнула рукой: «Как хотите. Ваше дело». Поскольку мне нравилось учить стихи, как на русском, так и на немецком, то, когда преподаватель спрашивал: «Кто выучил стихотворение?», я сразу руку тянул. «Ну, давай». Я отчеканю. «Садись, «хорошо». Так я получил хорошую оценку и больше на занятия не ходил. Потом меня все-таки заставят, опять что-то спросят: «неуд.», «неуд.» и «хорошо», – в общем, тройка за четверть выходила. Вот таким образом я от четверти к четверти зарабатывал свои тройки.

Итак, решение мы приняли: не будем учить. А все учат, сидят. Мы приходим к ним: «Ну что? Занимаетесь?» – «Занимаемся». – «Вам надо заниматься было в школе, когда учились, а не сейчас!» – «А вы что не занимаетесь?» – «Мы знаем все!» – «А чего же вы с двойки на тройку перебивались?» – «Мы скрывали свои таланты! Вы увидите нас, как мы будем блистать». Всех мы так обошли, всем мешали. Не от желания им навредить, а просто так, от нечего делать. И многих мы убедили в том, что мы действительно знаем язык. И вот начались экзамены. Приехала московская комиссия. Завуч школы нас ободрила: «Не волнуйтесь, комиссия настроена хорошо... Кто желает первым?» Я протянул руку. Класс притих. «Второй?» Коля Бабушкин. «Третий?» Погорелов. Все недоумевают. Вытянули мы билеты, сели. Говорю: «У меня неясный вопрос!» – «Что неясного? Прочитать и пересказать». А я не знал слово «пересказать»! Мы сидим 30 минут, никто не идет. «Кто готов?» А Бабушкин Леха сидел с краю. «Товарищ Бабушкин, начинайте. Прочитать и пересказать». Прочитал кое-как. «Перескажите». – «Пересказать не могу». – «Разберите предложения». Не может. Больше ничего не знает. Раз – кол! Потом меня. Я пыжился, пыжился, кое-как прочитал, а пересказать своими словами тоже не могу. Разбирал, разбирал предложения, путался, а они терпели. «Ладно, следующее». Слова, какие выписал, пересказал. «А что же вы знаете?» – «Стихотворение!» Я рассказал стихотворение Гете. «Вот видите, стихотворения Вы знаете, а почему немецкий не учили?» Потом Погорелова. А тот возьми и скажи сразу: «А я-то читать не умею». – «Вы попытайтесь». Он попытался. «Ну, хватит. А пересказать?» – «Нет, не могу. Разобрать предложение, тоже не разберу». – «Что же Вы знаете?» – «Ничего не знаю». – «Идите». У них уже шок: «Что такое?!

⁴ То есть центровым (устар.). (Прим. ред.)

Первыми же лучшие выходят, знающие!» Комиссия не знает, что делать, делают перерыв. Что делать, если первые, самые лучшие вышли и не знают, что же знают остальные?! Собирают класс: «Товарищи, вы что-то волнуетесь. Вот первые три вышли, волнуются, не могут ничего сказать, произвели очень плохое впечатление. Давайте, не бойтесь. Собреритесь с мыслями». К остальным на фоне нашего ответа не придирались и поставили положительные оценки. Заканчиваются экзамены. Собирается весь класс. Объявляются оценки: «Бабушкин и Погорелов – двойки. На второй год. Брюхов – тройка». Эх, как они на меня обиделись, недели две-три со мной не разговаривали! Остальные экзамены я сдал нормально. В этом отношении я был подготовлен хорошо: математику, физику, историю не боялся сдавать.

Погорелов был с 1923 года и осенью ушел в армию. В 1941 году его взяли в пехоту, но он где-то проболтался и остался жив, войну закончил сержантом. Хотел очень в театральное училище пойти, и из него, может быть, артист бы и получился, но подготовка была слабая, так что его не взяли. Леха Бабушкин был призван после меня. У него было плохое зрение, он был признан негодным к строевой и направлен в политическое училище. После войны мы с ним встретились в Москве. Он говорит: «Хочу поступить в политакадемию, но по зрению не прохожу». – «Давай я за тебя пройду комиссию!» Я взял его документы (там фотографии не было) и прошел окулиста. Он поступил в политакадемию и позже стал генералом: при этом как ходил в очках, так и ходит!

Война

20 июня 1941 года в десятых классах прошли выпускные вечера, поэтому 21 июня, в субботу, мы ватагой – парни, девчата, – забрав нехитрую утварь и продукты, отправились на берег Тулвы для отдыха на два дня. Здесь мы ловили рыбу, варили уху, собирали землянику, играли в футбол, валялись на траве, уединялись в кустах и, боясь прикоснуться друг к другу, мечтали о будущем и фантазировали. Ночью мы не спали, а кто уснет, просыпается – он весь мазанный, хохот стоит. Или «гусара подставляли»: возьмем, вату подожжем и положим под нос спящему, – он, как дурной, вскакивает. И «велосипед» делали: он спит, мы ему между пальцами тонкие газетные бумажки вставим и подожжем. Он крутит ногами, вскакивает. Опять хохот! Возвращались усталые, а подходя к окраине города, слышим душераздирающий плач и крик. Все насторожились, вслух и мысленно задаем себе вопросы: «Что бы это могло значить, что случилось? Бьют, что ли, кого?» Прибавили шагу, пошли быстрее, и тут навстречу, пыля босыми ногами, бегут к нам ребяташки, изображая скачущих всадников – палка между ног, в руках лоза, направо-налево рубят воздух: «Война! Война началась!» Смех и шутки смолкли. Домой мы не шли, а бежали, на ходу бросив друг другу: «Пока...» Я прибежал, сразу мешок свой кинул – и бегом в военкомат. Прибегаю, а там уже больше половины нашего класса. Через час-полтора весь класс уже там...

Отец, как всегда, в выходной работал в кузнице, а мать с соседкой были дома и вполголоса с тревогой обсуждали новости о начале войны. У соседки Марии Козловой сын Николай служил на западной границе, она плакала и сквозь слезы высказывала опасения за судьбу сына. Как после узнали, он погиб героически в первые дни войны, так и не выпустив из рук пулемет. Смелый, лихой и бесшабашный был парень!

Моих друзей 23, 22 и 21-го годов рождения в первые же дни вызвали в райвоенкомат, вручили повестки и отправили кого в училище, кого для подготовки в маршевые роты в части действующей армии. А с 1924 года нас было трое, и нас не брали. Говорят: «Куда вы? Успеете!» Но в моем сознании твердо укрепилась мысль, что война будет недолгой. Слова песни «Нас не трогай, мы не тронем, а затронешь, спуска не дадим» и заявление Наркома Ворошилова «...воевать будем только на чужой территории, свою хватит поливать кровью» сделали свое дело. Они укрепили мою веру в скорую победу, и я боялся опоздать. Юношеское воображение рисовало красочную картину боя, и я рвался на фронт: ежедневно ходил в военкомат и просил, чтобы меня призвали в армию. Работники военкомата были поопытнее, они посмеиваясь над моим нетерпением, успокаивали: «Подожди, и до тебя дойдет очередь. Успеешь и ты навоеваться». И они оказались правы. Успел, и еще как!..

В августе в Осу стали прибывать первые раненые и эвакуированные из Одессы, затем из Москвы и других западных городов. Наша школа была отдана под госпиталь. Наши войска, оказывая упорнейшее сопротивление оккупантам, с боями отходили, оставляя города... Война затягивалась. Каждый день из Осы уходили все новые и новые партии юношей и мужчин все более старших возрастов. Вызывали и моего отца, но оставили. Я околачивал ежедневно порог военкомата, но меня не брали, ссылаясь на непризывной возраст.

В те месяцы мужиков в деревне не стало, и вот нас вызвали в военкомат: «Не болтайте здесь, поезжайте в колхоз «Север». Вчетвером мы поехали на сенокос. Сначала косили крапиву. Жара! Косить не умеем – тупим косы о кочки. Стебельки ложатся, их надо резко подсекать. Выделили нам человека, который бы нам косы поправил, и мы чуть ли не каждые пять минут к нему бегали. Трудодень – 40 соток на человека, а мы четверо где-то 60 соток всего накосили. Бригадир пришел, в армию его не взяли, у него были физические недостатки. «Полезы от вас нуль. Что же с вами делать? Поставлю вас клевер косить». Ну, тут мы уже развернулись. Клевер невысокий, корень крепкий, и мы день хорошо отработали, дорвались

до работы так, что стерли себе подмышки. Нам замазали их йодом, и мы три дня ничего не делали. Бригадир опять говорит: «Что же с вами делать, вот работничков мне дали!» Подошла рожь. Нас на молотилку – возить зерно, носить мешки. Тут мы себя показали, и вот тут он расцвел: стал нам мясо давать, молоко, хлеб, а то ничего не давал. В сентябре 1941 года ему позвонили из военкомата: мне пришла повестка. Другие остались, а меня он снабдил продуктами, и я пришел домой с заработанными продуктами.

Дома меня вызвали в райком комсомола и предложили пойти добровольцем в лыжный истребительный батальон. Я загрустил: мне хотелось в военно-морское училище, но сказать об этом я не решился. Да и не принято было отказываться – война, люди шли туда, где были нужны. Мне и еще двоим ребятам дали предписание в Кунгур, где в 6-м запасном полку формировался лыжный истребительный батальон.

Лагерь еще только строился, и первые три месяца мы занимались в основном строительством – возводили военный городок, рассчитанный на стрелковую бригаду. Построили на весь личный состав полуземлянки, хозблок, столовую, склады, учебные классы. В жилых землянках построили двухэтажные нары, застелили их матрасами, набитыми соломой, поставили приспособленные из двухсотлитровых бочек печи. Поначалу жили по двенадцать человек в палатках, рассчитанных на четверых. В октябре пошли дожди, начались сильные заморозки, да и снежок иногда порошил. Спали не раздеваясь, прямо в ботинках с обмотками. Прижмемся друг к другу и теплом своих тел сушимся. Глядишь, к утру обсохнем. Вместо утренней зарядки старшина-хохол, жуткий службист, гонял нас в соседний лес таскать напиленные для строительства бревна. Причем по мере вырубki леса приходилось бегать все дальше и дальше. Когда через три недели нас первый раз повели за 10 километров в Кунгур в баню, снятые портянки просто расплзались в моих руках. Только согрелись, только оделись во все чистое, как пришлось обратно хлюпать по грязи те же 10 километров. Кормили нас так: на завтрак чай с куском хлеба, в обед постный борщ, на второе гречневая каша, а на ужин давали селедку и кусок хлеба граммов на 300. Мяса мы не видели. Но мне-то не привыкать – дома мясо на столе было только осенью и зимой. Подкармливались мы на колхозных картофельных полях. Приходили ночью к сторожу, копали картошку (люди тогда были сердобольные, никто нас не гонял) и пекли в углях. Работали на износ, молча – такое было напряжение. Когда приходила молодежь на пополнение, они сначала рвались таскать, балагурили, а потом все тише, тише и в конце концов замолкали. На что уж я был крепкий хлопец, и то под конец начал понимать, что долго я так не протяну. Многие заболевали, их увозили в госпиталь, но я выдержал эти испытания.

Наконец строительные работы были закончены. Началась боевая и политическая подготовка – курс молодого красноармейца. Несколько часов строевой подготовки, тактика. Нас учили стрелять, мы очень тщательно изучали оружие – тренировались разбирать и собирать на время автоматы и винтовки. Все занятия проводились в городке и окрестностях, и только политзанятия шли два раза в неделю по два часа в теплых землянках. Больше всего мы любили их – можно было отогреться и чуть-чуть вздремнуть.

Несмотря на изматывающий труд, а потом и учебу, полуголодное существование и тяжелые известия с фронтов, паники не было. Настроение было одно – быстрее на фронт, воевать! Поэтому я к занятиям относился очень серьезно, и результаты не замедлили сказаться – командиры меня ставили в пример остальным солдатам. Старшие по возрасту ребята подшучивали над моей прытью, обвиняли в попытке выслужиться, угодить командирам, а мне просто нравилось постигать нелегкую солдатскую науку и хотелось воевать. Я не думал, что меня убьют: наоборот, мне казалось, что я неуязвим.

Наступила зима. Она была ранняя, морозная, и с ней начались занятия по лыжной подготовке, моя стихия. Я хорошо владел попеременным ходом, сдвоенным и даже коньковым, хотя для него не было трассы. Насыпанные из снега трамплины, с которых можно было прыгать на 3–5 метров, не представляли для меня сложности. Мои навыки лыжника заметили, и

вскоре я стал инструктором по лыжной подготовке у начальника физподготовки батальона. Я показывал, как надо между деревьями змейкой проходить, как прыгать с трамплина. Многим бойцам было под 40 лет, некоторые из них на лыжах плохо ходили, а тут прыгать... Не прыгнул – надо опять в гору забираться. Я отдохну, а они пока освоят, измотаются до предела...

В ноябре наш батальон отправили под Москву. Ехали больше молча. Люди были необстрелянные, нервничали. Все волновались, как сложится первый бой, переживут ли они его. Неизвестность угнетала. Отвлекались от этих мыслей пением песен, которые каждый тогда знал во множестве. Поезд шел без остановок – мы даже не останавливались для приема пищи, ели выданный на три дня сухой паек. К исходу второго дня пути мы поняли, что приближаемся к фронту – видны были сброшенные с пути разбитые и сгоревшие вагоны, разрушенные станционные строения. Неожиданно поезд остановился. Поступила команда: «Выходи строиться». Только мы успели выскочить из вагонов, как над нами на бреющем пронеслись два «Мессершмитта», поливая эшелон из пушек и пулеметов. Они развернулись и сделали второй заход, сбросив пару бомб. Одна из них разорвалась недалеко от меня, и я почувствовал боль в ноге и плече. Сделав еще один заход, самолеты улетели. Из соседних деревень на помощь к нам спешили колхозники на санях. Они помогли собрать убитых и раненых. Раненых, в том числе и меня, повезли на соседний разъезд, на котором стоял санитарный поезд. Там нас разместили по вагонам и повезли обратно на восток. Оказалось, что я был ранен осколками разорвавшейся бомбы: в правом коленном суставе торчал длинный тонкий кусок металла. Второй, маленький осколок, застрял в мягких тканях плеча. Подошел хирург, осмотрел раны:

– Ага! Ну что, батенька, осколок в вашем колене сидит не глубоко. Сейчас... мы его прихватим... и выдернем! – С этими словами он резко дернул. Я взревел от боли!

– Ну вот и все. Сейчас обрабатываем рану, перебинтуем. В руки клюшку⁵, и через две недели будете бегать. А вот с осколком в плече подумаем, что делать. Да, батенька, вы еще и контужены, у вас из носа кровь. Ну да ничего, контузия легкая.

Действительно, уже через неделю я ходил без палочки, а вот рана в плече долго не заживала, но и она через пару недель затянулась. Осколок оброс тканью и в дальнейшем мешал только упражнениям на брусьях.

Привезли нас в Пермь. В тамошнем госпитале я отдохнул, отогрелся, немного откормился. Вскоре в госпиталь пришел представитель военкомата. Вызвав меня, он спросил:

– Здоров?

– Так точно!

– Предлагаю пойти учиться в военно-морское авиационно-техническое училище. Согласен?

– Конечно! – Я от счастья чуть не подпрыгнул. Сбылась моя мечта служить на флоте! Наконец-то я надену морскую, красивую форму!

Начались занятия. Курсанты разместились по кубрикам на четыре человека. Ходили пока в армейской форме, но вскоре прошел слух: «К новому году наденем новую форму». Ну наконец-то, морскую! И каково было мое негодование, когда новая форма, выданная нам, осталась солдатской. Я был убит, раздавлен... Переживал я настолько сильно, что пошел к командирам, вплоть до начальника политотдела училища, жаловаться. Начальник принял меня в своем кабинете, выслушал:

– Ну далась тебе эта форма?! Носи эту, ты же ее не первый месяц носишь.

– Не хочу! Тогда отправьте меня в летное училище.

– Это с какой стати я тебя должен в летное отправлять?! Ты солдат! Где приказано, там и должен служить! – жестко сказал он.

Разумом я это понимал, но не сердцем.

⁵ Естественно, в те годы слово «клюшка» означало «палочка», «посох». (Прим. ред.)

– Тогда отправьте в любое командное училище! Пехотное, артиллерийское, танковое – все равно!

– Ну ты даешь! Послушай, авиационный инженер – это специальность, которая всегда в почете. На фронте ты будешь на обеспечении БАО, в 70—100 километрах от линии фронта, на летном пайке.

– Товарищ капитан 2 ранга, я не хочу жить вдали от фронта. Я хочу воевать. Я хочу быть командиром, – уговаривал я его.

Однако мои доводы не убедили кавторанга, и я вернулся в кубрик сникшим. Сокурсники смеялись:

– Дурак ты, дурак. Это лучшее училище. За три года получишь специальность, которая нужна и на фронте, и на гражданской. Не дури!

Но я не мог. Учиться я стал хуже, без желания. Через некоторое время меня вызвали к кавторангу.

– Что у тебя со слухом? – с ходу спросил он.

– Все в порядке, не жалуюсь. – удивился я.

– А вот главный инженер докладывает, что не можешь на слух определить изменение режима работы двигателя.

– Вот и отлично! – обрадовался я, – Товарищ капитан 2 ранга, отправьте меня в командное училище.

– Хорошо, раз настаиваешь...

Танкист

Вот уж взаправду не было бы счастья, да несчастье помогло! Мне выписали предписание в обловоенкомат, а оттуда направили в Сталинградское танковое училище. Я получил сухой паек на трое суток (полбуханки хлеба, кусок колбасы, банка тушенки), вещевого и продовольственного аттестаты и на перекладных поехал в Сталинград. Добрался я туда в Сталинград в июне 1942 года и в училище встретил осинцев Колю Бабина с Володиёй Драчевым. Позже к нам примкнули Петр Акатьев, Николай Половинкин, Бражкин. Всего в училище собралось нас одиннадцать осинцев. Все они потом погибли на фронте...

Немцы уже подходили к городу. На очередном построении училища, в разгар боев и бомбежек, его начальник генерал-майор Серков объявил нам решение Верховного Главнокомандования: «Эвакуировать училище в Курган, где развернуть учебно-материальную базу и, не прерывая учебного процесса, в ускоренном порядке готовить офицерские кадры, так необходимые фронту». Надо сказать, что среднего роста, сухощавый, подтянутый, немногословный, требовательный, но очень справедливый человек, генерал пользовался уважением курсантов и преподавателей училища. Он встретил войну у границы и был тяжело ранен, лишившись в этих первых боях руки.

Личный состав училища убыл, а группа курсантов во главе с капитаном Гужвой, могучим, моложавым офицером лет тридцати, осталась упаковывать и отправлять материальную часть училища. Покидали мы горящий город ночью, на чудом выбитом для эвакуации училища пароме. На противоположном берегу все погрузились в эшелон и под бомбежкой отбыли в Курган. Только на пятые сутки мы прибыли на место. Разгружались недалеко от города, тут же оборудуя танковый полигон училища. Жили в школе, спали прямо в классах. Помню, директор школы, женщина лет 40–45 (она тогда нам казалась старухой) относилась к нам, как мать. Запомнилось, как она угощала нас подмерзшей сладковатой картошкой, которую мы пекли в школьной печке. Мы же делились с ней сухим пайком. Когда мы уезжали в Курган на учебу, она нас трогательно проводила, пожелав дожить до победы...

На берегу реки Тобол стояла церковь, которую приспособили для столовой, а рядом несколько зданий оборудовали под казармы и классы. Ко времени моего прибытия моя рота уже занималась месяц или полтора. Пришлось догонять. Для меня это было не сложно – десять классов школы позволяли легко осваивать программу училища. Занимались мы по 12 часов в сутки: 8 часов плановых занятий и 4 часа самоподготовки под руководством командира взвода лейтенанта Пашкевича. Ему было под 40 лет, это был среднего роста, крепкий, умный, рассудительный, строгий и душевный человек. Он как никто умел «говорить с нами молча», и мы его понимали.

Как сейчас помню старшину нашей роты Толошного – педанта и въедливого служаку. Мы его очень боялись. Вот такой пример, характеризующий его. У нас в группе учился курсант Уманский. Как-то зимой, под Новый год, он приболел – простудился. Сходил в санчасть, где ему дали справку, что он освобожден от физических занятий и от работ на воздухе. Он надел шинель и вышел из казармы на улицу. Подходит Толошный:

– Уманский, почему не в строю?!

– Товарищ старшина, я освобожден.

– Где твое освобождение? – Он дает.

– Освобожден от занятий и работ на воздухе... – читает Толошный. – А «от физзарядки» не написано! Снимай шинель, и в строй!

Вот так лечились. Иногда в кино показывают, как курсанты ходили в самоволку, вечерами были танцы, к девчонкам ходили... Какие женщины?! Мы еле ноги волочили! Кормили просто ужасно! Утром суп, в обед суп и пшенная каша, а вечером опять суп. Что такое суп?

Крупы в воду побросают, есть нечего, только пьешь. Сейчас даже в тюрьме, наверное, сытнее дают. Стали делать так – ужинать по очереди. Сегодня я иду на ужин, завтра ты. Из кружки, в которую наливали суп, жидкость сливали, а бурду, которая остается, ели с куском хлеба. Хлебом этот плотный, как коврижка, брикет граммов на 250, который был нам положен, можно было назвать только условно – чего только в нем не было намешано. Отощали мы страшно. На второй этаж казармы поднимаешься – и сил нет. Как я уже говорил, в училище было одиннадцать человек осинцев, разбросанных по разным ротам. Вместе с Колей Бабиным мы создали группу акробатики, как в школе. И вот я стойку выжму, а у меня искры в глазах, чуть сознание не теряю... Писали жалобы, приезжала комиссия из Уральского округа. В класс, где сидела наша рота, вошел генерал в сопровождении нескольких офицеров. Окинув нас взглядом, он остановился на мне: «Вы говорите, питание плохое? Вон какой мальчик сидит, по нему и не скажешь, что он недоедает». Как же мне было обидно! Комиссия уехала, и в нашем существовании мало что изменилось.

Все разговоры были только о еде. Один из таких разговоров прервал Петраковский – самый старший из нас, курсантов:

– Ребята, ну что мы все о еде да о еде говорим. Давайте расскажу, как я женился?

Все хором закричали:

– Давай, давай. Рассказывай!

– Ну, тогда слушайте. Я учился на первом курсе геолого-разведывательного института и познакомился с однокурсницей. Она была очень красивая, стройная, с русыми длинными волосами. Одевалась очень хорошо, выделяясь среди студенческой братии. Родители ее были инженерами, хорошо зарабатывали. Девочка нравилась многим, но почему-то выбрала меня. Почему – сказать не могу, но она согласилась на первое же мое предложение пойти в кино. Как сейчас помню, шла «Большая жизнь» с Алейниковым и Андреевым. Я изловчился, достал билеты, и мы с удовольствием посмотрели картину. Так завязалось наше знакомство. Ходили в кино, в оперу, гуляли. Потом я познакомился с ее родителями, и мы решили пожениться. Родители дали согласие.

Все внимательно слушали, лишь изредка перебивая рассказ язвительными вопросами, но Петраковский не удосуживался отвечать на остроты.

– Свадьбу справляли в ресторане. Играл оркестр. На столе стояли... – Дальше шло подробное, в деталях, перечисление всех блюд, что стояли на столе и подавались официантами. Каждый словно присутствовал там, вдыхал этот аромат. Животы подвело, а Петраковский, словно забыв о нас, все продолжал и продолжал живописать свадебный стол:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.